

*Строителям советской энергетики,
погибшим в сталинских лагерях,
посвящается*

Введение

XX век в отечественной истории отмечен событиями громадной исторической важности, переломами эпох. Победа в Великой Отечественной войне, созидательный труд миллионов граждан огромной державы...

Атомный проект, прорыв в космос, создание современной передовой науки и техники и на их основе гигантского производственного потенциала мирового масштаба — лишь некоторые штрихи к историческим процессам, развернувшимся в нашей стране в прошедшем столетии.

В этом общем ряду и успехи советской энергетики. Реализация плана ГОЭЛРО в 1920—1930-е годы позволила в короткие сроки не только восстановить экономику, разрушенную в ходе Гражданской войны, но и совершить исторической значимости прорыв. Общая выработка электроэнергии Советским Союзом в 1935 г. превысила в 13,5 раза производство в благополучном довоенном 1913 г. Напомним, что в тот период, представления о котором сегодня во многом носят идиллический характер, на душу населения императорская Россия производила электроэнергию в 60 раз меньше, чем США, и в 10 раз меньше, чем Германия.

Установка всех советских правительств на опережающее развитие энергетики принесла свои плоды. К началу 1980-х годов Советский Союз был равен всей остальной Европе и уступал только США.

Несомненные исторические успехи не должны, однако, заслонить вопроса о цене этих свершений и средствах, использованных для их достижения.

Мало кто сегодня из наших сограждан решается заглянуть в недавнее историческое прошлое. Слишком драматичны его реалии. Следует признать: советская экономика в целом и энергетика в частности во многом были созданы руками тех, кто не попадал на передовые полосы советских

газет и не получал орденов за производственные достижения, а именно руками миллионов ЗК — заключенных сталинского ГУЛАГа.

В одном из обзоров советской лагерной цензуры, хранящихся ныне в фондах Государственного архива Российской Федерации, внимание привлекает фраза: «Сколько эта подлая система Берия наказала невинных лиц, сколько разорила человеческих гнезд, сколько рек протекло слез матерей и жен и детей от этого Берия, наверно, можно было построить электростанцию ГЭС, собрав эти капли в одну реку...» Образ Гулага* как электростанции, движимой слезами жертв сталинского террора, возникший у одного из заключенных и привлечший внимание лагерной цензуры, во многих отношениях был не просто трагической метафорой. Немалое количество реальных киловатт/часов реальных советских электростанций было оплачено кровью узников Гулага. Своеобразным символом сталинского режима был тот факт, что именно заключенные строили даже те самые значительные советские электростанции и гидротехнические сооружения, которые официальная советская пропаганда конца 1940-х — начала 1950-х годов объявила «стройками коммунизма». Истории «энергетической зоны» Гулага — от «строек первых пятилеток» до «строек коммунизма», строителям гулаговских электростанций посвящена эта книга.

Гулаг и советская электрификация

Строительство электростанций, линий электропередач и других энергетических объектов было одним из важнейших направлений деятельности ОГПУ—НКВД—МВД с начала 1930-х годов, когда советская экономика принудительного труда приобрела заметные масштабы. В условиях скачкообразной экстенсивной индустриализации, порождавшей постоянный острый дефицит рабочей силы, определилась своеобразная специализация ОГПУ (с 1934 г. НКВД СССР) как хозяйственного ведомства. Ключевым элементом экономики ОГПУ уже в годы первой пятилетки стали предприятия и хозяйственные комплексы, возведение и эксплуатация которых требовали массового применения рабочей силы в чрезвычайно неблагоприятных климатических условиях, как правило, в регионах, не имевших элементарной первоначальной инфраструктуры. Именно таким был первый значительный энергетический объект ОГПУ — Туломская ГЭС. Как важная составная часть Беломорско-Балтийского комбината эта самая северная гидроэлектростанция СССР строилась в тяжелых климатических условиях Заполярья. Сроки ее ввода в действие несколько раз переносились. Формально пущенная в строй в самом конце 1936 г., фактически она была принята в постоянную эксплуатацию в 1938 г., причем с недоделками. Мощность станции составляла 12 тыс. кВт вместо 48 тыс. кВт, предусмотренных первоначальными планами (см. док. № 5, 84).

Несмотря на сложности с пуском Туломской ГЭС, НКВД поручалось строительство все большего количества новых энергетических объектов. Самыми крупными из них в середине 1930-х годов были Угличская и Рыбинская электростанции на Волге общей мощностью 440 тыс. кВт. Строительство Угличского и Рыбинского гидроузлов (плотин и электростанций) было поручено НКВД в 1935 г. (см. док. № 1). Для выполнения работ силами заключенных создавалось управление строительства (Волгострой) и Волжский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ). На 1 янва-

* В отличие от аббревиатуры ГУЛАГ, обозначающей название учреждения — Главное управление лагерей, понятие «Гулаг» в соответствии со сложившейся традицией используется в этой книге как синоним лагерной системы в целом.

ря 1936 г. в лагере были сосредоточены 19,4 тыс. заключенных, к 1 января 1937 г. их численность возросла до 43,6 тыс., а к концу 1938 г. до 77 тыс. Начальником строительства и лагеря был назначен бывший начальник Беломорско-Балтийского комбината Я.Д. Рапопорт^{*}.

Одновременно с работами на Рыбинском и Угличском гидроузлах в 1937 г. НКВД было поручено осуществление еще одного чрезвычайно амбициозного проекта — строительство Куйбышевского гидроузла на Волге и Соликамского гидроузла на Каме. В состав Куйбышевского гидроузла согласно плану входили две электростанции мощностью в 3,4 млн кВт. Руководители НКВД с гордостью подчеркивали сверхмасштабы этих объектов. Мощность Куйбышевских станций более чем вдвое превышала суммарную мощность всех электрических станций по плану ГОЭЛРО, а также была вдвое больше мощности каждой из двух крупнейших в мире гидроэлектростанций в США (Гранд-Кули — 1,9 млн кВт и Болдер — 1,35 млн). Для куйбышевского строительства предусматривалось изготовление отечественных турбин 170—180 тыс. кВт, т.е. втрое большей мощности, чем установленные на Днепрогэсе. Сооружение Соликамского гидроузла (в том числе ГЭС, мощностью первой очереди в 360 тыс. кВт) было первой частью плана создания системы гидроузлов на реках Каме, Вычегде и Печоре (см. док. № 8). Для осуществления этих планов было создано управление строительства Куйбышевского гидроузла НКВД (Куйбышевстрой) и Самарский ИТЛ, в который к концу 1940 г. завезли до 40 тыс. заключенных^{**}. На изыскательские, проектные и подготовительные работы до начала 1940 г. было затрачено 370 млн руб., а на 1940 г. предполагалось выделить еще 190 млн руб. (см. док. № 8).

Помимо этих основных строек, заключенные работали на других объектах энергетики. В 1940 г. предполагалось ввести в действие ТЭЦ на Архангельском судостроительном заводе, Сегежском лесобумажном химическом комбинате, Соликамском сульфитно-целлюлозном заводе, Архангельском сульфитно-целлюлозном комбинате, теплоэлектростанцию на Ухто-Ижемских нефтяных месторождениях, электростанции на Райчихинском угольном месторождении в Хабаровском лагере и Букачачинском — в Читинской области^{***}.

В конце 1940 г., однако, произошло существенное изменение планов капитального строительства НКВД в части энергетики. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 сентября 1940 г. предписывало немедленное начало строительства силами заключенных Волго-Балтийской и Северо-Двинской водной системы и прекращение работ на Куйбышевском гидроузле. Такое решение в постановлении объяснялось «отсутствием свободной рабочей силы», т.е. недостатком заключенных. Реализация проекта Куйбышевского гидроузла откладывалась на 3—4 года. Освобождающуюся рабочую силу, инженерно-технический персонал, механизмы и оборудование предписывалось перебросить для производства работ по строительству Волго-Балтийской и Северо-Двинской водной системы. Часть заключенных временно переводились на строительство авиационных заводов в Куйбышеве, Безымянской и Куйбышевской ТЭЦ, механического и кирпичного заводов и двух жилых зданий в Куйбышеве, необходимых для авиационных заводов (см. док. № 7). Консервация строительства Куйбышевского гидроузла, на который были потрачены значительные средства, является одним из многочисленных примеров неэффективности экономи-

^{*} Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960 / Сост. М.Б. Смирнов. М., 1998. С. 189—190.

^{**} Там же. С. 294—295.

^{***} ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2977. Л. 129—135.

ки принудительного труда. Наличие больших контингентов заключенных позволяло с относительной легкостью принимать планы форсированного возведения крупнейших объектов без серьезных экономических и технических расчетов, а затем с такой же легкостью ликвидировать начатые стройки и перебрасывать заключенных на новые.

Причиной прекращения строительства Куйбышевского гидроузла был не только недостаток рабочей силы, но и серьезные трудности в реализации проекта, связанные с ошибками, допущенными при его разработке (см. док. № 7), а также переориентация общей политики в области энергетики. Исходя из военно-стратегических интересов, была провозглашена задача сооружения средних и мелких по мощности тепловых и гидроэлектростанций. Принудительный труд заключенных рассматривался как одна из основ реализации этой программы. Накануне войны НКВД вел проектно-изыскательские и подготовительные работы по строительству четырех ГЭС на реках Клязьме, Костроме и Которосли, начал строительство пяти ГЭС на реке Мсте и в районе Беломорско-Балтийского водного пути, предназначенных для алюминиевых заводов, разрабатывал проектно-изыскательские материалы по Верхне-Окской (Калужской) гидростанции для окончательного определения места расположения гидроузла, производил изыскания и проектирование по Верхней и Средней Волге с притоками для подготовки объектов строительства на 1942 г. и т.д. (см. док. № 12). Для осуществления этих работ срочно создавались новые управления строительства и лагеря НКВД.

В связи с увеличением количества гидротехнических объектов и ГЭС, строительство которых было поручено НКВД, руководство наркомата в сентябре 1940 г. добилось разрешения организовать специальный главк — Главное управление гидротехнического строительства НКВД СССР. Ему было поручено руководить Волгостроем, строительством Волго-Балтийского и Северо-Двинского водного пути, ГЭС на реках Клязьма, Которосль, Кострома, Мста, работами, связанными с консервацией Куйбышевского и Соликамского гидроузлов и другими объектами. Начальником Главгидростроя и заместителем начальника ГУЛАГ НКВД (по совместительству) был назначен Я.Д. Рапопорт с освобождением его от должности начальника Волгостроя-Волголага НКВД*.

Планы ввода в действие важнейших новостроек ГУЛАГа в предвоенный период позволяют дать оценку удельного веса энергетического строительства ГУЛАГа. Из общей стоимости мощностей в 1119 млн руб. стоимость вводимых в действие энергообъектов в 1940 г. должна была составить 251 млн руб., или 22,4 %**. В плане капитальных работ по НКВД на 1941 г., который по состоянию на март 1941 г. составлял 7,3 млрд руб., доля Главного управления лагерей гидротехнического строительства составляла 22,7 % (1,7 млрд руб.). Таким образом, в предвоенный период по объемам капитальных работ это было самое значительное хозяйственное подразделение НКВД (второе место с объемом работ в 1,5 млрд руб. занимало Главное управление лагерей железнодорожного строительства)***. Приведенные показатели опрокидывают расхожее представление о структуре экономики ГУЛАГа. Не лесоповал и не добычу полезных ископаемых обеспечивали новые и новые миллионы заключенных: руками узников ГУЛАГа создавались крупные народнохозяйственные объекты.

Реальные показатели доли энергетического сектора в экономике ГУЛАГа еще выше, так как строительство энергетических объектов

* ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 24. Д. 23. Л. 3; История сталинского Гулага. Т. 2. М., 2004. С. 189—190.

** Там же.

*** Там же. Оп. 25 а. Д. 3. Л. 17.

велось и другими управлениями НКВД в связи с созданием энергетической базы строящихся и действующих предприятий других отраслей промышленности. Так, в августе 1940 г. было принято решение об организации лагерного отделения на 5 тыс. заключенных для строительства НИВА ГЭС-III при комбинате НКВД «Североникель» (см. док. № 13). Определенное количество заключенных выделялось также Наркомату электростанций и электропромышленности (с апреля 1940 г. Наркомату электростанций) СССР. В апреле 1939 г. этому наркомату выделялось 6326 заключенных*. Несмотря на борьбу руководства НКВД за сокращение контрагентских работ и периодические успехи в этой борьбе, правительство регулярно принимало решения о выделении новых контингентов заключенных для различных ведомств.

Хотя многие задания НКВД в предвоенный период уже имели военно-мобилизационное значение, начавшаяся война внесла существенные коррективы в хозяйственную деятельность наркомата. Было прекращено строительство объектов, находящихся в фронтовой и прифронтовой полосе, в частности алюминиевых заводов. В связи с этим останавливались работы Маткожинской, Боровичской, Ивановской, Чернецкой и Ондской ГЭС, которые к тому же были рассчитаны на использование шведского, немецкого и швейцарского оборудования. Прекращались работы на Волго-Балтийском и Северо-Двинском водных путях и Калужской гидроэлектростанции. По мере продвижения частей вермахта в глубь советской территории ликвидировались строительства других энергетических объектов в Европейской части СССР (см. док. № 17).

Компенсировать эти утраты был призван пуск новых энергетических мощностей на Востоке. Во многих случаях силами заключенных производилась установка энергооборудования, эвакуированного из оккупированных областей. Например, на электростанции на заводе № 174 в гор. Чкалове, которую в октябре 1941 г. было поручено построить НКВД, использовалась турбина, вывезенная с Харьковского тракторного завода (см. док. № 18). Вместе с тем НКВД был одним из главных участников программы строительства новых электростанций, прежде всего средних и малых ГЭС на реках Урала. Главному управлению промышленного строительства и Главному управлению железнодорожного строительства НКВД было поручено строительство Поньшской ГЭС на реке Чусовая мощностью 24 тыс. кВт, Широковской ГЭС на реке Косьва мощностью 24 тыс. кВт и Вилухинской ГЭС на реке Усьва мощностью 15 тыс. кВт. Для этих объектов предусматривалась переброска 24 тыс. заключенных (см. док. № 20). Как и до войны, НКВД выступал контрагентом Наркомата электростанций. К маю 1942 г. этому наркомату выделялось около 8 тыс. заключенных. Самая значительная их часть была сосредоточена на строительстве Чирчикской ГЭС в Узбекской ССР (3,5 тыс. человек), а также Иртышской ГРЭС в Казахской ССР (1,2 тыс. человек)**.

В целом эти показатели использования заключенных на объектах энергостроительства отражали новую общую тенденцию: с началом войны возможности использования труда заключенных сократились. В связи с необходимостью эвакуации части лагерей и колоний и ухудшением условий в Гулаге в 1941 г. было проведено досрочное освобождение 420 тыс. заключенных. В 1942—1943 гг. 157 тыс. заключенных, осужденных за незначительные преступления, были досрочно освобождены и переданы

* ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 23 а. Д. 76. Л. 8.

** Там же. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1182. Л. 46.

в армию*. Чрезвычайно высокой в годы войны была смертность в Гулаге. В 1941—1945 гг. в лагерях и колониях, согласно ведомственной статистике, умерли 1 млн 5 тыс. заключенных**.

Нехватка рабочей силы отчасти компенсировалась использованием новых категорий узников Гулага. На начальном этапе войны это были так называемые «мобилизованные контингенты» — 400 тыс. советских граждан национальностей стран, воюющих с СССР (немцы, финны, румыны). 220 тыс. из них были направлены на хозяйственные объекты НКВД, остальные переданы другим наркоматам***. Часть «мобилизованных» содержалась в лагерях наравне с заключенными. В последний период войны значительную часть контингентов принудительного труда составляли военнопленные, интернированные и арестованные немцы, а также советские военнослужащие, возвращавшиеся из плена и попадавшие в проверочно-фильтрационные лагеря. Так, в июне 1945 г. из более чем 3 млн человек спецконтингента, используемого в качестве рабочей силы в различных наркоматах (включая НКВД), заключенные составляли половину (1,5 млн). Основная часть заключенных использовалась на объектах НКВД, а другие категории «спецконтингентов» передавались различным наркоматам. Всего в июне 1945 г. за НКВД числилось 1,4 млн работающих «спецконтингентов» (из них 1,2 млн заключенных), а за наркоматом электростанций 38,5 тыс.: 5,9 тыс. — заключенные, 2,9 тыс. — мобилизованные немцы, 11,1 тыс. — военнопленные, 11,4 тыс. — бывшие пленные советские военнослужащие и 7,2 тыс. — арестованные немцы****.

Начиная с последнего периода войны военнопленные широко использовались на восстановлении электростанций и подстанций для обеспечения электроэнергией промышленных предприятий Донбасса (Зуевская, Штеровская, Кураховская ГРЭС), на Северо-Донецкой, Алексинской, Сталинградской ГРЭС и многих других объектах Наркомата электростанций (см. док. № 30—34). К 1 декабря 1946 г., прежде всего за счет военнопленных, численность «спецконтингентов», выделяемых Министерству электростанций возросла до 71,6 тыс. человек (из них 15,5 тыс. заключенных и 48 тыс. военнопленных)*****. По мере освобождения военнопленных в послевоенный период возможности для использования принудительного труда на объектах Министерства электростанций уменьшались. В этот период стремление расширить применение принудительного труда стало общим для всех экономических ведомств. Такого рода попытки увеличить численность заключенных на объектах различной ведомственной подчиненности вызывали многочисленные споры Министерства внутренних дел (ранее НКВД), которое само нуждалось в рабочей силе, с другими экономическими ведомствами, в том числе с Министерством электростанций (см. док. № 35, 36). Правительство, однако, нередко поддерживало требования министерств о выделении дополнительных «лагерных контингентов», тем более что общая численность заключенных в результате массовых репрессий продолжала увеличиваться. В результате количество рабочих-заключенных, выделяемых Министерству электростанций, некоторое время (особенно в период постепенного вывоза военнопленных) росло*****:

* ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917—1960 гг. / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 275.

** Кокурин А., Морюков Ю. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 10. С. 118.

*** ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917—1960 гг. С. 281.

**** История сталинского Гулага. Т. 3. С. 219—220.

***** Там же. С. 226.

***** ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2641; Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1304. Л. 114; Д. 1305. Л. 106; Д. 1343. Л. 75, 79, 81, 107; Д. 1325. Л. 78; Д. 1342. Л. 80; Д. 1361. Л. 81; Д. 1362. Л. 78.

1 марта 1947 г.	17 724
1 января 1948 г.	29 343
1 июля 1948 г.	32 215
1 декабря 1948 г.	35 632
1 января 1949 г.	40 473
1 июля 1949 г.	47 868
1 декабря 1949 г.	53 774
1 января 1950 г.	56 414
1 мая 1950 г.	60 994
1 июля 1950 г.	51 511
1 декабря 1950 г.	47 802
1 января 1951 г.	46 631
1 июля 1951 г.	34 101
1 декабря 1951 г.	29 793

Как видно из таблицы, выделение заключенных для объектов Министерства электростанций достигло пика в мае 1950 г. Самыми значительными по масштабам использования принудительного труда были в это время строительства Нижне-Туринской ГРЭС в Свердловской области (5,6 тыс. заключенных), Молотовской ГЭС (4,6 тыс.), Мингечаурской ГЭС в Азербайджане, Горьковской ГЭС (3,6 тыс.), треста «Волгострой» (4,1 тыс.), треста «Свирьстрой» (4,9 тыс.)^{*}. В октябре 1952 г. в рамках МВД было организовано Главное управление лагерей по строительству нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива. На него было возложено обеспечение рабочей силой строительства районных ТЭЦ Министерства электростанций СССР для обеспечения электроэнергией новых нефтезаводов — Омской, Молотовской и Черногорской ТЭЦ^{**}.

Заметное уменьшение количества заключенных, выделяемых Министерству электростанций, наблюдавшееся с лета 1950 г., совсем не означало, что наступило время перемен. Этот факт объясняется другим — переводом заключенных на объекты (прежде всего энергетические) самого МВД в связи с ростом дефицита рабочей силы^{***}. Нарастание такого дефицита в 1949—1950 гг. было вызвано двумя причинами. С одной стороны, сокращалась численность лагерных контингентов. Из СССР были отпущены почти все военнопленные. Одновременно сокращался прирост заключенных в лагерях, так как репрессии достигли чрезвычайно высокого уровня на предыдущем этапе и не могли более увеличиваться такими же высокими темпами. С другой стороны, существенно увеличивались хозяйственные программы МВД, в том числе по строительству энергетических объектов. Силами заключенных с конца 1940-х годов возводились огромные, требующие значительных контингентов рабочей силы сооружения, названные официальной пропагандой «сталинскими стройками коммунизма». Постановлением Совета Министров СССР от 27 февраля 1948 г. именно МВД поручалось строительство Волго-Донского водного пути, в том числе Цимлянской ГЭС мощностью в 160 тыс. кВт с водохранилищем. Составной частью Волго-Балтийского водного пути, строительство которого было возложено на МВД также в 1948 г., являлись три гидроэлектростанции общей мощностью 330 кВт на Вытегорском склоне (см. док. № 48). В 1949 г. МВД в соответствии с поручением правительства начало проектно-изыскательские работы по двум новым «стройкам коммунизма» на Волге — Сталинградской ГЭС мощностью 1,7 млн кВт и Куйбышевской ГЭС мощностью 1,9 млн кВт (см. док. № 57, 74). В 1950 г. на гидротехническое

^{*} ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1342. Л. 78—81.

^{**} Там же. Ф. Р-5446. Оп. 86 а. Д. 7360. Л. 162.

^{***} Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960. С. 57.

строительство МВД уходило 19,5 % общего объема капитальных работ министерства (без учета спецстроек атомного проекта)^{*}. С конца 1950 г. заключенных начали перебрасывать во вновь организованный Каракумский лагерь на строительство Главного туркменского канала с плотиной на р. Аму-Дарья у Тахиа-Таша с гидроэлектростанцией (см. док. № 75). Строительство Волго-Донского канала и Цимлянской ГЭС было завершено в 1952 г., а заключенные частично освобождены, частично переведены на другие объекты МВД. На 1 января 1953 г. в ИТЛ Куйбышевгидростроя содержалось около 46 тыс. заключенных, Сталинградгидростроя — 26 тыс., Средазгидростроя (управление строительства Главного туркменского канала) — 9,9 тыс., Волгобалтстроя — 33,7 тыс.^{**}

Эти достаточно значительные цифры далеко не в полной мере отражали масштабы использования принудительного труда на объектах энергетики. Применительно к большинству экономических комплексов, находящихся в ведении МВД, источники не позволяют вычленивать из общих показателей «лагерных контингентов» данные о количестве заключенных, непосредственно занятых на строительстве электростанций, ЛЭП и т.д. Хорошим примером в этом отношении могут служить лагерные подразделения Дальстроя. Заключенные этого огромного лагерного комплекса, численность которых к началу 1952 г. достигла 200 тыс., помимо добычи золота и олова (основная специализация Дальстроя), строили и обслуживали многочисленные энергетические объекты^{***}. Так, к сентябрю 1950 г. в Дальстрое действовали электростанции общей мощностью 120 тыс. кВт^{****}. Однако недостаток электроэнергии заставлял принимать программы строительства все новых ТЭЦ, ГЭС. Самой значительной была Аркагалинская ГРЭС (проектная мощность до 100 тыс. кВт) (док. 66). Хозяйственная деятельность Дальстроя (площадь свыше 2,5 млн кв. км) охватывала и такие протяженные и трудоемкие объекты, какими были линии электропередач. Отраслевые показатели деятельности практически невозможно вычленивать из сводных данных такого рода объектов, как Дальстрой.

В совокупности «энергетическая зона» Гулага составляла огромный производственно-лагерный комплекс, включавший в себя как сравнительно небольшие объекты местного значения, так и огромные «стройки коммунизма». Дальнейшее расширение этой зоны прервала смерть Сталина.

Цена гулаговского киловатта

С точки зрения морально-правовых критериев, принятых в цивилизованных обществах, сталинский террор и его производное — экономика принудительного труда не могут быть оценены иначе, как преступные. Основополагающим элементом экономики Гулага была сверхэксплуатация миллионов заключенных и других «спецконтингентов» в чрезвычайно неблагоприятных природно-климатических и производственных условиях с выделением минимальных ресурсов для поддержания их работоспособности. Энергетический сектор экономики принудительного труда не был исключением в этом отношении. Публикуемые в сборнике документы, особенно отчеты о проверках, проводимых в лагерях, дают некоторое представление о реальностях существования заключенных.

^{*} ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 81 б. Д. 6512. Л. 117.

^{**} Там же. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 118. Л. 89.

^{***} Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 119—120, 382—383, 506.

^{****} История сталинского Гулага. Т. 3. С. 406.

Они показывают, что обычным явлением для лагерей были ужасающие условия труда, крайне скудное продовольственное и вещевое снабжение, переполненность не приспособленных для жизни бараков, произвол администрации, массовый бандитизм.

Концентрированным выражением бесчеловечности Гулага были высокая заболеваемость, инвалидность и смертность в лагерях. Несмотря на введение в оборот в последние годы ранее совершенно секретной ведомственной статистики ОГПУ—НКВД—МВД о физическом состоянии заключенных и смертности*, эта проблема еще далека от систематического изучения. Пока мы можем пользоваться лишь показателями смертности, зафиксированными различными гулаговскими службами непосредственно в лагерях. Очевидно, однако, что реальная смертность заключенных была выше. До сих пор неизвестно, как и в какой мере учитывались данные о смертности заключенных в пути следования. Очевидно лишь, что они не попадали в статистику лагерей. Требуется количественной оценки такой фактор, как периодические разгрузки лагерей от инвалидов, вплоть до передачи их на иждивение родственников, а также проблема лагерной инвалидности в целом. Досрочно освобожденные инвалиды, либо инвалиды, освобожденные в связи с истечением срока заключения, хотя и умирали от болезней и увечий, полученных в Гулаге, не «портили» отчеты ГУЛАГа. Необходимо учитывать, наконец, что ужасающие показатели смертности в ГУЛАГе относятся именно к тем возрастным категориям населения, которые в обычных условиях — на свободе — дают наименьший процент смертности. Ведь в лагерях практически не было (или было мало) младенцев (которых вообще не учитывала гулаговская статистика) и стариков, а это именно те возрастные категории населения, которые на свободе давали максимальный процент смертности.

В общем, цифры, полученные на основании статистики ГУЛАГа — примерно 1,7 млн умерших в лагерях и колониях за 1930—1952 гг.** — отражают лишь определенную часть реальной смертности среди заключенных как в абсолютном исчислении, так и относительно средних показателей смертности по стране в целом.

Серьезного изучения требуют полагерные колебания показателей заболеваемости и смертности. Для объективной оценки документов, публикующихся в данном сборнике, важно учитывать, например, что, как правило, лагеря, специализирующиеся на строительстве энергетических и гидротехнических объектов, относились к разряду относительно «благополучных». Положение в Гулаге в целом было значительно хуже. Так, Волжский лагерь, созданный в «сытом» 1935 г. (чрезвычайно высокая смертность в лагерях периода голода 1932—1933 гг. осталась позади), с самого начала своего существования демонстрировал сравнительно низкие показатели смертности: 1,5 % к среднегодовому составу в 1936 г. по сравнению с общей смертностью по Гулагу в 3 %. Даже в кровавом 1938 г., когда смертность в Гулаге под воздействием «большого террора» резко выросла до 6,7 %, в Волжском лагере она сохранялась на уровне 1,7 %***. Уровень смертности в лагерях, подобных Волжскому, конечно, снижал такой фактор, как приоритетность выполняемых работ и расположение в центре страны, недалеко от столицы и в хороших климатических ус-

* См., например: История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов в семи томах. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания. М., 2004.

** См.: Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: структура и кадры // «Свободная мысль». 2000. № 10. С. 114—115.

*** ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 34, 49.

ловиях. Такие лагеря формировались из относительно здоровых, «годных к физическому труду» заключенных. Кроме того, они лучше снабжались, так как требовали привлечения более квалифицированной рабочей силы, ресурсы которой были ограничены.

Несмотря на это, «благополучие» такого рода «избранных» лагерей было хрупким. Запаса ресурсов, вложенных при создании Волжского лагеря, хватило на несколько лет. В 1940 г. уровень смертности в этом лагере почти достиг среднего по Гулагу (2,22 % против 2,96 %). Большинство заключенных умирали от туберкулеза и пеллагры*. О положении в лагере в этот период свидетельствовали материалы прокурорских проверок (док. 88, 138). В январе 1941 г. из 89 тыс. заключенных лагеря умерло 310 человек, почти 11 тыс. не выводились на работу в силу болезней, слабосильности и почти 3 тыс. — как «разутые и раздетые». Причем «одетость» остальных заключенных также была относительной. «В очень значительной части вещевое довольствие третьего срока и в изрядном количестве по своей ветхости подлежит списанию», — говорилось в материалах прокурорской проверки. «Баракы, где помещаются заключенные, несмотря на похолодание, еще не приведены в жилое состояние, постельных принадлежностей нет, и заключенные спят на голых нарах», — сообщал прокурор. В лагере чрезвычайно широко распространялись болезни. 11 тыс. заключенных, не выводимых на работы, представляли собой, судя по всему, полных инвалидов. Однако многие работающие также находились на грани перехода в категорию «больные и слабосильные». Только в январе 1941 г. в лагере было зафиксировано почти 300 тыс. заболеваний, иначе говоря, обращений в медпункты (т.е. в среднем по три на каждого из заключенных), в т.ч. 21,5 тыс. обморожений, 14 тыс. производственных травм. Значительная доля болезней, как видно из материалов проверки, была связана с голодным существованием (чрезвычайно высокая доля желудочных заболеваний, а также 70 тыс. «болезней кожи») категорией, в которую могли прятать также нежелательную для отчетов пеллагру (док. 88).

В декабре 1940 г. был введен в эксплуатацию первый агрегат Угличской ГЭС, в марте 1941 г. — второй; в ноябре 1941 г. — первый агрегат Рыбинской ГЭС, в январе 1941 г. — второй**. За время строительства этих станций общей мощностью 220 тыс. кВт (в 1936 — 1941 гг.) в Волжском лагере, согласно отчетности санитарного отдела, умерли 8437 человек***. Десятки тысяч человек, вполне здоровые первоначально, «переработанные» лагерной машиной, превратились в инвалидов и «слабосильных». В феврале 1942 г. на базе Волжского лагеря был создан Рыбинский лагерь для размещения «лагерных контингентов пониженной трудоспособности», больных и инвалидов. В течение года в Рыбинском лагере, по данным ведомственной статистики, умерло 16 704 человека, в основном от пеллагры; за два года существования лагеря в нем умерло 41,7 % заключенных****.

Преждевременная гибель сотен тысяч людей, бессмысленное расточительство в каторжном труде сил и талантов, способных принести несравнимо большую пользу на свободе, — высокая цена, заплаченная за экономические достижения Гулага. В случае Волжских станций — по меньшей мере, сорок человеческих жизней на каждую тысячу кВт.

* ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 85, 163. Пеллагра — широко распространенное заболевание в лагерях, вызванное голодом и истощением, одним из признаков пеллагры было поражение кожи.

** 25 лет. Угличской и Рыбинской ГЭС. Из опыта строительства и эксплуатации. М., Л., 1967. С. 101—103, 298.

*** Население России в XX веке. Т. 1. М., 2000. С. 319; ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2784. Л. 7—10.

**** Кокурин А., Морук Ю. ГУЛАГ: структура и кадры. С. 118; ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2784. Л. 26—30, 83.

Организация принудительного труда

На плаву сталинскую экономику принудительного труда поддерживали такие временные по своей сути факторы, как значительный приток новых заключенных, заменявших умерших и терявших работоспособность, и непоследовательные, имевшие ограниченный потенциал попытки наращивания производства квазиэкономическими методами.

Как и во всех других экономиках подобного типа, одной из самых острых проблем экономики Гулага была проблема стимулирования труда. Хотя этот сектор сталинской экономики был основан на прямом принуждении в крайних формах, в нем под давлением хозяйственных потребностей периодически использовались или адаптировались стимулы к труду, в принципе инородные для Гулага и даже подрывавшие его режимные основы. Уже в первой половине 1930-х годов после некоторых колебаний в хозяйственную систему Гулага были встроены такие механизмы, как зачеты рабочих дней и выплата заработной платы заключенным. Зачеты рабочих дней — сокращение сроков заключения в определенной пропорции к количеству дней, отработанных в лагерном производстве, — были специфически гулаговской мерой поощрения труда. Несмотря на это, они явно противоречили самой сути сталинской карательной системы, нацеленной на длительную изоляцию тех слоев населения, которые были признаны опасными для государства. Возможность существенного сокращения срока (зачеты производились по разным шкалам в диапазоне от 4 дней срока за три дня работы до 2 дней срока за 1 день работы) не только порождала в Гулаге нежелательную «текучесть», но вела к росту приписок и коррупции. Таким же неизбежным злом в глазах гулаговского руководства была и система заработной платы — стимул, прямо заимствованный из «свободного» сектора экономики, хотя и применявшийся в Гулаге с многочисленными ограничениями.

Неудивительно, что в связи с резким ужесточением карательной политики и наполнением лагерей политическими заключенными в период «большого террора» 1937—1938 гг. сфера применения зачетов и зарплаты резко сократилась. Пришедший к руководству НКВД СССР Л.П. Берия, «наводя порядок» в своем «хозяйстве», в 1939 г. вообще добился от правительства запрета применения зачетов. Ставка была сделана почти исключительно на жесткие репрессии, вплоть до расстрела, против так называемых отказчиков и саботажников, уклоняющихся от работы (см. док. № 88).

В экстремальных условиях войны проблемы стимулирования во многом утратили свою актуальность, однако после завершения войны возникли вновь. Несмотря на то, что существовал строгий законодательный запрет на применение «зачетов рабочих дней», руководство МВД было вынуждено вводить их в виде исключения на ряде наиболее важных объектов, так как вполне осознавало, что зачеты являются самым эффективным способом поощрения труда заключенных. В результате к сентябрю 1950 г. «зачеты рабочих дней» применялись в лагерях, где находилось более 27 % всех заключенных. Из объектов энергетики право на применение зачетов рабочих дней получили лагеря при Волгодонстрое (постановлением правительства от 18 мая 1949 г.), строительствах Нижне-Туринской ГРЭС (14 ноября 1949 г.), Мингечаурской ГРЭС (11 января 1950 г.) и Куйбышевской ГЭС (25 апреля 1950 г.)^{*}. Обосновывая правомерность этих решений, министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов 13 сентября 1950 г. докладывал в правительство: «Практика зачетов рабочих дней заключенным показала исключительно большое значение их

^{*} История сталинского Гулага. Т. 3. С. 290—291.

в деле повышения производительности труда и укрепления лагерного режима и дисциплины... По материалам Дальстроя, Норильска, Волгодонстроя, спецстроек и других лагерей, установлено, что после введения зачетов рабочих дней заключенным производительность труда повысилась в среднем на 20—30 %... При существующей практике зачетов рабочих дней заключенный, осужденный к лишению свободы сроком на 10 лет, если он будет на протяжении всего времени отбытия наказания в лагере перевыполнять производственные нормы, получит возможность сокращения календарного срока наказания примерно на 2—3 года»^{*}.

Вместе с тем возможность сокращения сроков пребывания в лагере для значительного количества заключенных рассматривалась правительством как неоправданная «либерализация» карательной политики. По этой причине, несмотря на признание экономической эффективности, система зачетов вводилась только на наиболее значительных хозяйственных объектах Гулага. Помимо перечисленных выше энергетических объектов, зачеты были введены в лагерях и при строительстве Сталинградской ГЭС. Однако без удовлетворения осталось, например, обращение в правительство 5 января 1952 г. министра электростанций СССР Д.Г. Жимерина о введении зачетов рабочих дней в лагере при строительстве Камской ГЭС^{**}.

В поисках способов повышения производительности труда заключенных руководство МВД с конца 1940-х годов добивалось в правительстве перевода лагерей на систему заработной платы. Хотя это было нарушением одного из ключевых принципов экономики принудительного труда — его полной бесплатности, МВД настаивало на выплате зарплаты заключенным. 13 марта 1950 г., уступая этим требованиям, правительство приняло постановление о введении оплаты труда заключенных во всех исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД, за исключением особых лагерей, в которых содержались особо опасные (с точки зрения режима) уголовные и политические преступники. Из заработной платы заключенных удерживались «по средней стоимости расходов по лагерю в целом стоимость гарантированного питания, выдаваемой одежды и обуви и подоходный налог с тем, однако, чтобы при всех условиях работающим заключенным на руки выдавалось не менее 10 % фактического заработка»^{***}. Установленные законом вычеты на практике были огромными. Так, на строительстве Куйбышевской ГЭС при начисленной среднемесячной зарплате заключенных в 1951 г. в 397 руб. на руки они получали в среднем 200 руб. При этом более 7 % заключенных получали лишь минимальный 10 % гарантированный заработок. Еще хуже были аналогичные показатели на строительстве Сталинградской ГЭС — 329 и 132 руб. 11 % заключенных, занятых на этой стройке, получали 10-процентный минимум (см. док. № 129). Все это существенно ограничивало действенность зарплаты как реального стимула. Однако в целом повсеместное введение оплаты труда заключенных (вскоре ее в ограниченных масштабах стали применять даже в особых лагерях) являлось важным симптомом постепенного разложения сталинской экономики принудительного труда.

К числу таких симптомов принадлежало также стремление руководства МВД досрочно освободить заключенных с последующим прикреплением их к определенным предприятиям в качестве вольнонаемных рабочих. Так, в январе 1951 г. министр внутренних дел С.Н. Круглов обратился к Л.П. Берии с просьбой разрешить досрочное освобождение

^{*} История сталинского Гулага. Т. 3. С. 292.

^{**} ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 86а. Д. 6004. Л. 16.

^{***} История сталинского Гулага. Т. 3. С. 304—306.

6 тысяч заключенных с передачей для использования по вольному найму на строительстве Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций. Круглов обосновывал эту просьбу тем, что на этих стройках недостает квалифицированных кадров, способных управлять механизмами (см. док. № 104). Через год, в январе 1952 г., было принято решение о досрочном освобождении из лагерей 2 тыс. заключенных, осужденных за мелкие уголовные преступления, с закреплением их для работы по вольному найму на строительстве Главного туркменского канала^{*}.

В конечном счете стремление руководителей НКВД—МВД заменять заключенных пусть и ограниченными в правах, но формально свободными рабочими, иначе говоря, заменять рабов крепостными являлось лучшим признанием неэффективности лагерного труда, нараставшей, несмотря на все попытки внедрения экономических стимулов.

Пределы принуждения: экономическая целесообразность лагерного труда

Защищая ведомственные интересы, руководители НКВД—МВД крайне редко ставили вопрос о низкой эффективности труда заключенных и гораздо чаще подчеркивали достижения экономики Гулага. Однако в своей повседневной деятельности они постоянно сталкивались с многочисленными противоречиями между потребностью в росте производительности труда и невозможностью его достижения в лагерных условиях, между императивом лагерного режима и экономической целесообразностью, требовавшей его нарушения.

Важнейшими индикаторами низкой эффективности экономики Гулага с первых шагов ее существования были так называемые антимеханизаторские настроения, крайний дефицит квалифицированной рабочей силы и невозможность ее воспроизводства непосредственно в рамках лагерной системы. Экономика НКВД, основанная преимущественно на тяжелом физическом труде, отторгала технический прогресс еще в большей мере, чем неэффективная советская экономика в целом. Даже сравнительно немногочисленные механизмы и оборудование, поступавшие на объекты Гулага в довоенные годы, использовались плохо или вообще простаивали и портились. Проверка, проведенная на строительстве Куйбышевского гидроузла, например, выявила, что экскаваторы в первом квартале 1939 г. давали лишь 28,3 % чистой работы к рабочему времени, а количество работающих автомобилей составляло 49 % от их списочного числа (см. док. № 86). В мае 1940 г. инспекция использования механизмов на стройках НКВД показала, что «на Волгострое мощный импортный экскаватор “Любек” пролежал свыше 3 лет и только сейчас намечен к продаже, как ненужный; новый экскаватор «Дитчер» в течение 2 лет не был в употреблении и не намечается к использованию в дальнейшем; на один из участков этого строительства были завезены 7 жестких дерриков, из них только 2 и то частично были использованы, а остальные 5 лежат более 2 лет неиспользованными»^{**}.

Эти примеры отражали общую ситуацию в экономике Гулага. В силу коренных ее пороков пропорционально механизации росли потери, вызванные простоями машин и механизмов. На строительстве Волго-Донского канала, Цимлянского гидроузла и оросительных систем простой одноковшовых экскаваторов за восемь месяцев 1952 г. составляли 21,3 %

^{*} История сталинского Гулага. Т. 3. С. 326.

^{**} Там же. С. 181.

к общему рабочему времени, установленному режимом работ, а многоковшовых — 13,8 %. На строительстве Куйбышевской ГЭС эти показатели составляли 11,4 и 40 %, Сталинградской ГЭС — 19,2 и 9,7 %*.

Постепенная механизация наиболее тяжелых и трудоемких работ на стройках МВД не только снижала потребность в большом количестве заключенных, но и все более повышала спрос на квалифицированные кадры.

Помимо квалификации результативность труда заключенных зависела также от степени свободы их передвижений. Многочисленные режимные ограничения, необходимость обеспечения охраны, проведения ежедневных проверок наличия и т.д. требовали затрат значительного времени и дополнительных контингентов охраны. Многие виды работ, прежде всего связанные с рассредоточением заключенных на значительных пространствах, в силу этого вообще невозможно было производить, придерживаясь режимно-охранных правил. Примером аналогичной ситуации был отказ МВД от обеспечения заключенными строительства линии электропередачи от г. Шахты до Усть-Донецкого порта. Объясняя мотивы отказа, заместитель министра внутренних дел И.А. Серов писал в июле 1951 г. в правительство: «Использование спецконтингента на растянутой линии электропередачи не позволит организовать охрану заключенных, так как на каждую группу в 5—6 человек потребуется два охранника в то время как численность охраны предусмотрена всего лишь 11 % от общего количества охраняемых заключенных» (см. док. № 111).

Для решения таких проблем существовали две возможности. Первая — замена заключенных вольнонаемными рабочими. Именно по такому пути попыталось пойти руководство МВД, обратившись в сентябре 1949 г. в правительство с просьбой о разрешении произвести набор рабочей силы из местного населения для проведения изыскательских работ по Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанциям. Объясняя причины ходатайства, С.Н. Круглов писал: «Использование спецконтингента на этих работах затруднено по условиям охраны»**. Однако заменить всех заключенных, занятых на плохо охраняемых работах, вольнонаемными было невозможно. Более действенным и простым в этих условиях был второй способ разрешения вопроса — так называемое расконвоирование заключенных, разрешение их относительно свободного передвижения в границах определенного района вне лагерных зон.

Под давлением экономической целесообразности руководители хозяйственных подразделений Гулага либо добивались официальных разрешений на расконвоирование, либо при молчаливом согласии Центра вводили его явочным порядком. Вместе с тем расконвоирование фактически означало разрушение лагерного режима и порождало многочисленные проблемы, включая побег. В связи с этим расконвоирование было предметом постоянного конфликта между хозяйственными и режимными подразделениями МВД (см. док. 130, 151, 172). Периодически правила расконвоирования ужесточались, порождая экономические проблемы. Попятные движения усугубляли дезорганизацию режима. В целом это был яркий пример неэффективности принудительного труда и ограниченности попыток интенсификации экономической составляющей ГУЛАГа.

Будучи носителем не лучших образцов организации производства, ГУЛАГ с его «дешевой» рабочей силой оказывал разлагающее воздействие и на те сектора экономики, которые базировались на вольнонаемном труде. Советские хозяйственные ведомства, в силу объективных системных при-

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 49. Л. 34.

** ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 51 а. Д. 4948. Л. 38.

чин мало заинтересованные в организационном и техническом прогрессе, предпочитали решать многие проблемы за счет «нарядов» на заключенных, что еще больше тормозило развитие рынка труда и социальной инфраструктуры. Труд заключенных становился своеобразным наркотиком для экономики. Однако ряд фактов свидетельствовал о том, что экономика вольнонаемного труда все чаще ощущала негативные последствия применения этого наркотика и даже пыталась от него отказаться.

Частным случаем проблемы неразрешимых противоречий между экономической целесообразностью и режимными приоритетами было совместное использование заключенных и вольнонаемных рабочих. Как показывают документы, публикуемые в сборнике, этот вопрос имел особую актуальность именно для электростанций, на которых нередко складывалась ситуация, когда пуск в действие части энергоблоков, обслуживаемых вольнонаемными кадрами, сопровождался достройкой дополнительных мощностей силами заключенных. Каждая из сторон, участвующих в межведомственном конфликте по поводу ужесточения режима содержания заключенных на таких объектах, а именно МВД и Министерство электростанций, выдвигала свои аргументы. В одних случаях инициатором ужесточения режима выступало МВД, ссылаясь на беспорядки в лагерных подразделениях, связанные с беспрепятственными контактами заключенных и вольнонаемных, через которых в зону попадали, например, спиртные напитки, а из зоны шла неконтролируемая переписка (см. док. № 153, 172). В других случаях ужесточения режима требовали представители МЭС по причине свободного выхода заключенных из зон и их нападений на вольнонаемных работников (см. док. № 112). Результатом ужесточения режима в любом случае было нарастание экономических трудностей — рост расходов на оборудование зон и охрану (которые падали на контрагентов, в данном случае МЭС), резкое сокращение мобильности рабочей силы из заключенных и, соответственно, падение производительности их труда.

По этим причинам руководство Министерства электростанций при первом удобном случае пыталось отказаться от использования заключенных. Интересным примером в этом отношении может служить ситуация на строительстве Иркутской ГЭС. Руководство МЭС с большим трудом добилось организации на этом объекте лагеря и построило для него необходимые помещения. Однако, как оказалось, МВД выделило заключенных не только в значительно меньшем количестве, чем предусматривали решения правительства, но ввело существенные режимные ограничения на их использование. «Контингент лагеря, — сообщал в правительство в августе 1952 г. министр электростанций Д.Г. Жимерин, — составляют заключенные с большими сроками наказания, для которых установлен строгий режим. В связи с этим использование их возможно только в специально оборудованных зонах в больших массах, без права совместной работы с вольнонаемными рабочими, что лишает строительство возможности маневрировать рабочей силой. Кроме того, по режимным соображениям, заключенные работают только в одну смену, что неприемлемо при производстве бетонных и других массовых работ. Производительность заключенных на 40—50 % ниже производительности вольнонаемных рабочих». Строительство Иркутской ГЭС, сообщал Жимерин, лучше «ориентировать на квалифицированную вольнонаемную рабочую силу». Лагерь при Иркутской ГЭС был ликвидирован (см. док. № 114).

В этом эпизоде, помимо прочего, внимание привлекает стремление руководства министерства не просто отказаться от использования труда заключенных строгого режима, но переориентироваться именно на ква-

лифицированную вольнонаемную рабочую силу. Сложные виды производства с необходимостью диктовали другие подходы к его организации, нежели те, что с таким размахом практиковала гулаговская экономика.

Таким образом, несмотря на кажущиеся преимущества бесконтрольного распоряжения «дешевыми» заключенными, и МВД, и его контрагенты даже на низкомеханизированных строительных работах все чаще предпочитали иметь дело с относительно свободными работниками, дающими более высокую производительность труда и не требующими изолированной системы охраны и надзора. Использование же заключенных на более квалифицированных работах на действующих предприятиях было вообще невозможно. Именно по этой причине ограниченным, по сравнению с рядом других отраслей, было применение принудительного труда на таком сложном производстве, как электроэнергетика. В целом явно наметившаяся тенденция отказа от «дешевого» лагерного труда была одним из признаков нарастающего кризиса экономики Гулага.

Кризис и демонтаж экономики Гулага

В 1949—1952 гг. объемы капитального строительства, осуществляемого МВД, выросли примерно вдвое, достигнув в 1952 г. около 9 % общих государственных капитальных вложений*. В значительной мере столь высокие темпы были следствием общего экономического курса, отмеченного в последние годы жизни Сталина форсированием капитального строительства и вложений в тяжелую промышленность. Скачкообразное наращивание капитальных работ, вызвало перегрев экономики и усилило в ней кризисные явления. В незавершенном строительстве омертвлялись огромные и все возрастающие ресурсы, что, в свою очередь, требовало прогрессирующего наращивания капиталовложений; нарастали бюджетные проблемы; очевидным образом усиливалась деградация сельского хозяйства и социальной сферы. Кризисная ситуация в экономике МВД была частным случаем этого общего кризиса. Сметная стоимость объектов, порученных МВД, составляла 105 млрд руб., в то время как план капитальных работ по МВД на 1953 год был намечен в размере 13,3 млрд руб.** Выход из этой ситуации мог заключаться только в ликвидации части объектов и сокращении капитальных вложений.

Чрезмерное расширение фронта капитальных работ было лишь одной (хотя и важной) причиной кризиса экономики МВД. Как свидетельствуют многочисленные документы, к концу сталинского правления все более очевидным становился кризис собственно сталинской лагерной системы, в том числе экономики принудительного труда. Отмеченные выше попытки интенсифицировать лагерное производство за счет улучшения условий содержания заключенных, внедрения квазиэкономических стимулов и ослабления режима в принципе не могли дать существенных результатов, поскольку оставляли в неприкосновенности преступную и неэффективную по сути систему. Хронические проблемы гулаговской экономики — сокращение доли здоровых заключенных, используемых на производстве, плохое управление производством, отягощенное многочисленными режимными ограничениями, секретностью и приписками, низкая производительность труда (нормы выработки в 1951—1952 гг. не выполняли от 26 до 28 % заключенных, занятых на сдельных работах, — см. док. № 128) — приобретали все более острый

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 250. Л. 64—65; Оп. 41. Д. 52. Л. 67, 94—95.

** ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 788—789.

характер. Многочисленные жалобы руководства МВД на ослабление режима содержания заключенных в силу приоритетности экономических задач отражали нарастающее стремление вообще избавиться от хозяйственных функций и связанных с ними многочисленных проблем.

Однако важнейшим и первостепенным свидетельством общего кризиса сталинского Гулага был повседневный лагерный бандитизм и широкое распространение массовых волнений и бунтов заключенных, которые, хотя достигли пика после марта 1953 г., были заметным явлением и до смерти Сталина. Помещенные в четвертом разделе документы о массовых беспорядках в лагерях, обслуживающих строительство объектов электроэнергетики, отражают как раз процесс дезорганизации Гулага на этапе, когда сталинская система, казалось, достигла своей максимальной прочности. Как видно из этих документов, массовые беспорядки в лагерях, кровавые столкновения заключенных между собой и с администрацией лагерей имели разные причины и характер, но одинаковые последствия для гулаговской системы. Волнения, бунты и беспорядки, в которых участвовали все категории заключенных, а не только политические узники, фактически ставили под вопрос саму возможность сохранения Гулага в его сталинском варианте. Бунты, охватывающие даже такие приоритетные объекты, как «коммунистические» строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС, находившиеся в густонаселенных центральных районах страны, были тревожным сигналом для сталинского режима. Гулаг становился реальным генератором социальной нестабильности, тем более опасным, что его размеры и способ экономической эксплуатации предполагали масштабное взаимодействие обычной экономики и экономики принудительного труда, «свободного» и гулаговского социумов.

Слившись в единый поток, общий экономический кризис, вызванный скачкообразным наращиванием капитальных вложений в группу «А», разложение собственно лагерной экономики, режимно-управленческий и социальный хаос в Гулаге, выразившийся в росте бандитизма и массовых беспорядков, привели к кардинальным политическим решениям весной 1953 г. Вскоре после смерти Сталина, 17 марта 1953 г., Л.П. Берия, возглавивший новое, объединенное с МГБ, Министерство внутренних дел, направил в Президиум ЦК КПСС на имя Г.М. Маленкова записку, на основе которой на следующий день было принято постановление правительства о передаче из МВД в ведение хозяйственных министерств всех строительных и промышленных предприятий*. Одновременно по поручению Берии в аппарате МВД были подготовлены предложения о существенном сокращении строительной программы МВД. Закрытию подлежали крупные стройки общей сметной стоимостью 49 млрд руб. (при суммарной сметной стоимости всех строительных объектов МВД 105 млрд руб.). При этом план капитальных работ по оставшимся объектам на 1953 г. сокращался с 13,3 до примерно 10 млрд руб. 21 марта Берия направил соответствующий проект постановления в Совет Министров и вскоре он был утвержден**. Затем последовало решение о проведении широкой амнистии и освобождении около 1 млн из 2,5 млн заключенных. Завершало всю эту реорганизацию постановление Совета Министров СССР от 28 марта 1953 г. о передаче лагерей и колоний (кроме особых лагерей) из МВД в Министерство юстиции СССР***.

Все эти решения самым непосредственным образом касались энергетических объектов Гулага. Были прекращены строительства Главного

* ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 786—788.

** Там же. С. 788—791.

*** Там же. С. 791—793.

туркменского канала и Волго-Балтийского водного пути с соответствующими электростанциями. В связи с отказом от ряда заводов искусственного жидкого топлива отпадала необходимость в строительстве обслуживающих их районных ТЭЦ. Управления строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС, а также Гидропроект переходили в ведение Министерства электростанций и электропромышленности*. На 1 октября 1953 г. Министерство юстиции СССР, в ведение которого перешли лагеря, выделяло Министерству электростанций 53,5 тыс. заключенных, что составляло 7,5 % от общей численности заключенных, направляемых на работы в хозяйственные министерства и ведомства**.

Происходившие в последующие несколько лет многочисленные реорганизации и попятные движения, в том числе возвращение лагерей и колоний, а также некоторых хозяйственных объектов в ведение МВД, свидетельствовали, с одной стороны, о значительной инерции сталинской карательной системы, но с другой — были попыткой приспособить ее к послесталинским реалиям. Для развития экономики, основанной на принудительном труде, важнейшее значение имели несколько обстоятельств. Кампании амнистий и реабилитаций способствовали резкому, более чем в два раза, сокращению численности заключенных. Одновременно реабилитация и прекращение массовых политических репрессий существенно изменили состав заключенных. В лагерях резко увеличился удельный вес уголовников-рецидивистов, которых практически было невозможно использовать на хозяйственных объектах. Демонтаж значительной части сталинской экономики Гулага, произведенный в 1953 г., принципиально изменил экономическую роль лагерей. Они стали теперь преимущественно поставщиком рабочей силы и зависели от потребностей хозяйственных ведомств, которые в новых условиях все чаще предпочитали заменять заключенных вольнонаемными рабочими.

Достаточно быстрый демонтаж сталинской экономики Гулага, произведенный после 1953 г., является лучшим доказательством того, что кризис системы принудительного труда был столь значительным, что его не могли более игнорировать даже консервативные и неуступчивые советские лидеры. Массовые политические репрессии и чрезвычайно жестокая система уголовных наказаний, служившие источниками пополнения экономики принудительного труда, были важнейшим фактором нараставшего кризиса системы, созданной в 1930-е — начале 1950-х годов. Только такая богатая людскими и природными ресурсами страна, как Советский Союз, могла существовать и развиваться, несмотря на физическое уничтожение миллионов трудоспособных граждан, разорение миллионов крестьянских хозяйств, содержание огромного карательного аппарата, наконец, несмотря на бремя неэффективной и разорительной экономики принудительного труда. Рано или поздно ресурсы, питавшие такую систему, должны были закончиться.

* ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 787, 790.

** ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 118. Л. 247.